

Татьяна Сидорова (Слюсаренко),
выпускница 1983 г.,
кандидат искусствоведения,
член Союза композиторов и музыковедов г. Москвы;
сотрудник ГТРК «Культура», автор ряда телефильмов и статей
о выдающихся музыкальных деятелях прошлого и настоящего.

О Калининском музыкальном училище остались самые светлые воспоминания. Отчасти это связано с тем, что мы были юными, всё интересное в жизни только начиналось. Но во многом — и с атмосферой училища, и с его преподавателями.

В те годы, когда я училась, жизнь у нас буквально была ключом: устраивались спектакли, действовали кружок композиции и факультатив современной музыки. Осенью мы ездили в колхоз. А ещё у нас была сильная, полноценная физкультура. Короче, лозунг «в здоровом теле здоровый дух» был для нас самой настоящей реальностью.

Почти все преподаватели запомнились как интересные, яркие личности.

Зарубежную музыкальную литературу у нас вела Наталья Георгиевна Грибунина, на мой взгляд, яркая звезда училища, очень талантливый человек, буквально растворённый в искусстве. Помимо музыки, она была влюблена в живопись, театр, литературу. К Новому году устраивала интереснейшие музыкальные спектакли-капустники, где даже мне, с моими нулевыми актёрскими способностями, однажды нашлась роль — я сыграла Шуберта. Собственно, ничего играть не пришлось: на сцене я смущалась и стеснялась, но Наталья Георгиевна сказала мне, что Шуберт в жизни был именно таким и моя роль — попадание в десятку!

Никогда не забуду, как Грибунина пересказывала нам сюжет оперы Моцарта «Свадьба Фигаро»: невероятно артистично, в лицах, то запрыгивая на стол, то прячась за занавеской...

О Наталье Георгиевне можно писать бесконечно... Когда мы проходили «Страсти по Матфею» Баха, она отправляла нас в библиотеку смотреть иллюстрации известных картин на тему Страстей Христовых, а в качестве сверхзадачи поручила съездить на зимние каникулы в Москву, в ГМИИ им. Пушкина — посмотреть картины на ту же тему.

Сама она часто ездила в Пушкинский музей, не пропуская ни одной резонансной выставки. Я тоже по мере сил старалась следовать её примеру. Помню, сентябрь, второй курс, мы работаем на Жёлтиковом поле, помогаем убирать свёклу. До этого, в выходные, я успела смотаться в Москву на гремящую тогда выставку картин из испанского музея Прадо. И вот на поле появляется Грибунина — вроде как присматривать за нашей работой. Сразу ко мне: «Вы были на выставке? (она, одна из немногих в училище, обращалась к студентам на «вы») — Как вам «Карлики» Веласкеса? Какой больше понравился?» Увела с грядки в сторону... Я в рабочей одежде, вся

К 80-летию Тверского музыкального колледжа имени М.П. Мусоргского

перепачканная землёй, вокруг кипят сельхозработы, а мы с Натальей Георгиевной ведём увлечённую беседу о Веласкесе...

По фортепиано я училась у Людмилы Дмитриевны Темниковой. Она была сильным педагогом, ученицей Гилельса. Но я боялась её смертельно! В гневе Людмила Дмитриевна была страшна, однако в хорошем настроении остроумно шутила, рассказывала много интересных историй — в частности, из жизни Эмиля Григорьевича Гилельса. Хвалила редко, но уж если хвалила, то я была на седьмом небе от счастья...

Музыкально-теоретические дисциплины нам преподавал Николай Львович Вашкевич. Он запомнился мне невероятно музыкальным человеком — с каким-то своим, особенным взглядом на музыку, на возможности её воздействия и заражал этим. Примеры из музыкальной литературы он играл не столько виртуозно, сколько с большой самоотдачей. Помню, как замечательно Николай Львович исполнял песню «Красная гвоздика, спутница тревог» и как красиво звучала там шестая минорная ступень...

Русскую музыкальную литературу мы изучали у Ларисы Васильевны Ведровой. Невероятно доброжелательный педагог: всегда с улыбкой, с расположением к учащимся. Да, наверное, она сердилась на нерадивых студентов, но я этого совершенно не помню. У неё никогда не было страшно и напряжённо — наверное, поэтому легко, как бы сами собой усваивались темы, и мы хорошо сдавали экзамены.

Не могу не упомянуть еще о двух педагогах и связанном с ними трагикомическом эпизоде.

В училище действовал кружок композиции, который вёл тверской композитор Владимир Николаевич Успенский. Он не отличался красноречием, но делал очень ценные и точные замечания. При этом никогда не давил, предоставляя нам оставаться самими собой. Помню, что в его серьёзном лице всегда была запрятана какая-то едва заметная лукавая улыбка. Я сразу её заметила, когда пришла записываться в кружок с готовой сонатой под мышкой — весьма складной и симпатичной, как мне казалось. Успенский проиграл сонату и весьма своеобразно похвалил: отличная мелодия! Но... как бы это сказать... вроде бы он где-то это уже слышал... ах, да, у Моцарта! И всё это — с абсолютно серьёзным выражением лица, за которым скрывалась та самая «лукавинка»... Я с большим увлечением стала заниматься в кружке. Сочиняла что-то вроде баллад и арий из рок-опер.

В отчётном концерте композиторского кружка, который мы все с нетерпением ждали, я попросила спеть свои произведения однокурсника Олега Григоращенко (в будущем солиста Тверской филармонии). Он с удовольствием согласился, концерт прошёл с большим успехом. Но — пришла беда, откуда не ждали. Преподаватель Олега по вокалу Дорина Петровна Захарченко, узнав о его участии в нашем концерте, пришла в ярость: петь непонятно какую современную музыку, портить голос! Она была очень хорошим педагогом, но несколько консервативным, признавая только проверенную классику. Дело усложнялось тем, что Дорина Петровна была и моим преподавателем по

К 80-летию Тверского музыкального колледжа имени М.П. Мусоргского

общему вокалу. За то, что я, ничего ей не сказав, не посоветовавшись, чуть было не испортила голос одному из лучших её учеников, она вlepила мне «четвёрку» в учебном семестре. И всё бы ничего, но как раз в этот год отличников на зимние каникулы премировали поездкой в Ленинград, с посещением лучших музеев и театров города. Я же, получив четвёрку, сразу вылетела из рядов. Организатор поездки, неутомимая Наталья Георгиевна Грибунина не могла даже мысли допустить, что я «из-за такой нелепости» не поеду. Она буквально ринулась к Дорине Петровне. Вернулась страшно довольная, сказала, что наш преподаватель по вокалу — мировая женщина! В итоге царственная Дорина Петровна сменила гнев на милость, поставила мне таки пятёрку, и я благополучно отправилась в Ленинград. А потом спокойно и мирно продолжала у неё заниматься. Кстати, Дорину Петровну я вспоминаю до сих пор, когда пою своей внучке романс Керубино («Сердце волнует жаркая кровь»), которую когда-то разучила для экзамена по вокалу в классе Д.П. Захарченко.

Курс студентов музыкально-теоретического отделения, выпуск 1983 г.

(слева направо):

Стоят: Елена Николаева, Елена Мазурина, Ольга Малышева, Ирина Васькова;

Сидят: Татьяна Слюсаренко, Марина Ерёмченко, Елена Кузнецова, Наталья Семененко